

Позднякова М.Е.

НАРКОСИТУАЦИЯ В РОССИИ И НОВЫЕ МОДЕЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

Институт социологии РАН, 117218, г. Москва, Россия

Для корреспонденции: Позднякова Маргарита Ефимовна, канд. философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, margo417@mail.ru

В статье отражены произошедшие за последние несколько лет серьезные изменения в причинно-следственных связях, характерные для процесса новой волны наркотизации. Выявлены новые тенденции в наркоситуации в России и проанализированы новые факторы, объясняющие рост вовлечения в потребление новых наркотиков. Показано, что в современных российских условиях употребление наркотиков включено в общий социальный контекст человеческой жизни.

Ключевые слова: *девиантное поведение; наркотизация; наркотики; новые наркотики; контролируемое потребление; рекреативное потребление; психоактивные вещества; рисковенное поведение; риск; молодежь.*

Для цитирования: Позднякова М.Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков. *Социология медицины*. 2016; 15 (1): 25—30. DOI 10.1016/1728-2810-2016-15-1-25-30

Pozdniakova M.E.

THE DRUG SITUATION IN RUSSIA AND NEW MODELS OF DRUG ABUSE

The institute of sociology of the Russian academy of sciences , 117218 Moscow, Russia

The article analyses recent serious alterations in cause-and-effect relationships characteristic to process of new wave of narcotization. The new tendencies and in drug situation in Russia are established. The new factors explaining increase of involvement into new drugs abuse are analyzed. It is demonstrated that in actual Russian conditions drug abuse is included into common social context of human life.

Key words: *deviant behavior; narcotization; drugs; new drugs; controlled use; recreation use; psychoactive substances; riskogenic behavior; risk; youth*

For citation: Pozdniakova M.E. The drug situation in Russia and new models of drug abuse. *Sociologia meditsini*. 2016; 15 (1): 25—30 (in Russ.). DOI 10.1016/1728-2810-2016-15-1-25-30

For correspondence: Pozdniakova M.E., candidate of philosophical sciences, leading researcher. e-mail: margo417@mail.ru

Received 02.03.16
Accepted 01.04.16

Статья содержит результаты исследований по изучению механизма трансформации причинно-следственного комплекса, повлекшего переход к новым наркотикам и вызвавшего новую волну наркотизации, выполненных сектором социологии девиантного поведения Института социологии РАН.

Эмпирическая база исследований:

1. Онлайн-исследование трудоспособного населения, проведенное по квотной многоступенчатой выборке в нескольких регионах России (13 городов-миллионников), $n = 1200$, возраст — 18—60 лет;

♦ опрос студентов, проведенный в различных регионах страны (Москва, Иваново, Казань, Краснодар, Таганрог), $n = 950$;

♦ мониторинг интернет-ресурсов: анализ сайтов социальных сетей, $n = 1000$;

♦ опрос респондентов с медицинским диагнозом "наркомания", находящихся на лечении в наркологической клинике, $n = 73$.

2. Вторичный анализ материалов "Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)" и данных мониторинга наркоситуации, инициированного ФСКН в 2012 г. во всех субъектах РФ.

Цель исследования — изучение стремительно меняющейся наркоситуации, причин распространения наркотиков в различных половозрастных группах, опре-

деление механизма формирования перехода к новым наркотикам.

В настоящее время в России происходят резкие изменения в наркоситуации: она представляет собой состояние сжатой пружины, которая пришла в движение и повлекла за собой после некоторого затишья новую волну наркомании. В рамках реализации Стратегии государственной антинаркотической политики РФ правительство начинает вносить многочисленные поправки в законопроекты, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Рынок наркотиков сразу отреагировал на эти изменения, значительно расширив спектр предложений на различные виды наркотических веществ. Отреагировало и население страны, повысив спрос на новые виды наркотиков. Это происходит еще и потому, что героиновая экспансия последних лет XX века значительно расширила возрастные границы первой пробы, эпизодического потребления наркотиков (в том числе использования героина в качестве рекреационного наркотика и/или наркотика "выходного дня") практически во всех социальных группах и формирования зависимости. Более того, она заставила проблему распространения и злоупотребления другими психоактивными лекарственными препаратами, медико-социальные последствия которых значительно тяжелее, чем последствия применения "традиционных" наркотиков.

Понятие "новые наркотики" — это общее название различных новейших веществ и средств изменения состояния путем влияния на центральную нервную систему сознания не только в России, но и в мире. В отличие от России в мировой практике под новыми наркотиками в первую очередь подразумеваются синтетические наркотики. Российский вариант названия включает в себя разнообразные наркотики новой волны по разным основаниям: "аналоговые", "дизайнерские", "клубные", "легальные", "рекреационные". С другой стороны, появились нехимические виды наркотиков: аудио/видео-цифровые, электронные наркотики, не подлежащие контролю в РФ. Эффект от этих наркотиков во многом схож, но механизм воздействия различный. Некоторые эксперты отмечают, что "по определенным признакам все "легальные" наркотики можно отнести к наркотикам, приводящим к тяжелым последствиям". В то же время в специальной литературе и СМИ под "клубными" или "рекреационными" наркотиками часто понимают и "тяжелые", например героин. Существует путаница между понятиями "легальные", "аналоговые" и "дизайнерские". Так, "дизайнерские" и "аналоговые" наркотики могут быть легальными (не запрещенные на данный момент Госнаркоконтролем и не внесенные в "Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ") и нелегальными (находящиеся в Списке запрещенных). Нехимические виды наркотиков (аудио-видео наркотики) являются на сегодняшний день легальными, но их воздействие на организм не изучено.

Термин "легальные" ("дизайнерские", "аналоговые" наркотики) используется для описания препаратов, которые создаются, чтобы обойти существующие законы о наркотиках путем изменения различными способами молекулярной структуры уже существующих нелегальных препаратов и которые, однако, при приеме дают субъективные ощущения, как от приема запрещенных веществ. Современное использование словосочетания было впервые использовано правоохранительными органами США в 1980-е годы для обозначения различных синтетических опиоидных наркотиков. С тех пор отмечено несколько волн распространения новых наркотиков. Исторически большая часть "дизайнерских" наркотиков были либо опиятами, либо галлюциногенами. Большинство новых наркотиков, которые были проданы в мире с конца 1990-х — начала 2000-х годов, позиционировались для потребителей как "вещества для познания", "химия для расширения сознания". В основном это были галлюциногенные вещества, имевшие схожую структуру с известными препаратами псилоцибином и мескалином, которые принимали для "развития духовности" (энтеогены), рефлексии (психоделики) или отдыха. Период 2005—2015 гг. характеризуется устойчивым расширением спектра различных химических соединений, особенно бурное развитие наблюдалось в 2009—2010 гг. и продолжается по сей день. Мода на химические стимуляторы уже диктует свои права во всех крупных российских городах. Несмотря на то что основным стартовым наркотиком остаются производные конопли (марихуана, гашиш), РФ захлестнула волна синтетических наркотиков и стимулирующих препаратов ("наркотики для бедных"). Если в 2007 г. новые наркотики употребляли в 19 субъектах РФ, то сейчас зафиксировано практически систематическое употребление во всех регионах страны. Ассортимент химических стимуляторов расширяется, и некоторые

наркосодержащие препараты, еще не попавшие в "черные списки" Госнаркоконтроля, продаются под видом лекарственных. В настоящее время принято говорить уже о нескольких поколениях "дизайнерских" наркотиков, которые доступны в РФ: спайсы (курительные смеси), порошки (эйфоретики, стимуляторы и эмпагогены), продающиеся под видом ароматических солей для ванн, специй и т. п.

История употребления новых наркотиков слишком коротка, чтобы делать точные прогнозы развития наркоситуации. Неизвестно, как много людей используют эти наркотики, но увеличение числа смертельных и опасных для здоровья случаев их употребления, а также данные наших исследований (контента интернет-сайтов и интернет-форумов, опросов) позволяют говорить о высокой степени зараженности. Агрессивная реклама в Интернете способствует широкому распространению средств, которое осуществляется под многочисленными и часто меняющимися названиями, позиционируясь как безвредные и легальные наркотики. Происходит постоянная и неконтролируемая смена состава продуктов. Доступность и дешевизна наркотиков создают условия для различного рода наркоэкспериментов для постоянных и эпизодических потребителей и для склонных к первым прогам. Главная проблема современной наркотизации заключается в том, что новые наркотики, часто называемые "легкими", "тихими", порождают идеологию безопасного наркотизма, что, к сожалению, устраивает как личность, так и общество. Государство не успевает ограничить их распространение и предупредить об опасности употребления на фоне широкого распространения устойчивых мифов о безопасности новых наркотиков среди населения.

Исходя из картины распространения наркотизма в современной России, следует уточнить понятие "наркомания". В социальном плане наркомания — это специфический образ жизни, пусковым механизмом которого является напряженность потребностей и влечений, сочетающихся с невозможностью социально приемлемых и эффективных способов их удовлетворения. Для потребителей наркотиков характерна расхожестность между направленностью личности и способами, которыми она пользуется для ее реализации. В основе причинной обусловленности наркотизма находится отчуждение как социальное противоречие, характеризующее состояние современного общества, которое постоянно воспроизводит отчужденную личность, готовую к использованию любых средств и способов ухода от действительности.

В современном обществе распространенность наркомании — это проявление сложностей становления нового типа отношений общества и человека. В причинной обусловленности наркотизма находится ослабление социальных регуляторов, разрушение устоявшихся норм поведения при неопределенности новых норм. Разрушение устоявшихся норм поведения приводит к изменению образа жизни. Вместе с тем образ потребителя наркотика имеет свою логику. Наркомания распространяется прежде всего в тех условиях, которые более всего способствуют утверждению норм, противоречащих или даже прямо противоположных общепринятым, или в культурах, в которых традиционно не сложилось однозначно отрицательное отношение к наркотику. Воспринимается же образ жизни, связанный с потреблением наркотиков, главным образом

людьми в наибольшей мере готовыми к использованию крайних альтернатив общепринятым нормам.

Риск как элемент наркотической субкультуры

В "обществе всеобщего риска" — современной России — происходят органические нарушения в системе производства ресурсов, необходимых для его нормального функционирования [1]. Деградирующая социальная система не препятствует распространению в обществе "социального дна" (наркоманов, алкоголиков, бомжей и прочих маргиналов), поскольку последние, не будучи политически активными, не представляют опасности для существующего политического режима [1]. Однако в современных условиях эскейп и аномия не только потенциально рискогенны, но часто являются основанием для подрыва самосохраняющегося поведения человека и безопасности общества. В настоящее время формируется такая форма риска, которую можно считать элементом современной культуры, например наркотической субкультуры, т. е. происходит формирование в массовом сознании понятия "социально приемлемого риска", отразившего осознание, а затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности. С нашей точки зрения ориентация на потребление новых ("безопасных") наркотиков — это показатель склонности к рискогенному поведению. В связи с этим новые тенденции наркотизации населения России следует трактовать как риски социетального характера.

Изучение роли рискогенного поведения населения позволило расширить границы анализа. Более того, отношение к наркотикам в социуме как к фактору рискогенного поведения, связанному с феноменом "поиска ощущений" как предиктором наркотизации, предопределяет и выбор наркотика, и способ его употребления, и соответственно, влияет на мотивацию употребления наркотиков на фоне социального и психологического благополучия индивида. Зафиксирован резкий переход от амбивалентного отношения к наркотикам к нейтральному и позитивному, заинтересованному. Происходит процесс "нормализации" потребления наркотиков. Отношения к наркотикам перешли из маргинальной зоны в зону культурного контекста в различных группах населения.

Изучение распространенности так называемых новых наркотиков позволило получить новые данные, рассматривающие риск как элемент наркотической субкультуры. Впервые обнаружено, что одним из значимых мотивов употребления синтетических наркотиков является их воздействие на эмоциональную сферу, что компенсирует дефициты социальной сплоченности в российском обществе (разобщенность, атомизация общества, отчуждение индивида).

Результаты исследования показали, что, по самооценкам населения, значительная часть (45%) респондентов считает себя рискованными людьми. Имеются и региональные различия: доля варьирует от 36% в г. Казани до 60% в г. Краснодаре. Следует обратить внимание на то, что очень высока и доля респондентов, отметивших, что они готовы пойти на риск ради получения новых острых ощущений (65—80%). Выявлено, что около половины населения готовы сегодня экспериментировать и влиять на состояние своего сознания различными способами. Совокупность этих способов может являться почвой для первых проб наркотиков и/или перехода к эпизодическому или постоянному употреблению. В этой связи на первый план выходит

такой мотив употребления наркотика, как его предвкушение, подтверждающий факт, что среди населения существует глубинное социально-психологическое явление — массовое стремление людей одурманить себя.

"Ответственность" за рискогенное поведение нельзя списывать только на характерологические особенности, поскольку существуют макро- и микроусловия для такого поведения. Основными показателями индивидуальных качеств являются изменение мотивационно-потребностной сферы и неудовлетворенность основных социальных потребностей, низкая самооценка, агрессивность, поиск острых ощущений и, соответственно, потребность в рискогенном поведении, упадок религиозной и ценностно-нормативной системы.

В то же время выявлена значительная доля населения, не склонная сегодня к употреблению наркотиков, но обнаруживающая такой жизненный стиль, где риск занимает центральную позицию.

В настоящее время в массовом сознании формируется понятие "социально приемлемого риска" по отношению к употреблению наркотиков, отразившее осознание, а затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности. С нашей точки зрения ориентация на потребление новых ("безопасных") наркотиков — это показатель рискогенного поведения. Исследованиями выявлен ряд факторов, которые увеличивают риск употребления наркотиков (в первую очередь для подростков) и с возрастом снижают эту вероятность. Эти факторы "работают" не только при употреблении традиционных наркотиков, но характерны и для использования так называемых новых наркотиков. Следует отметить, что возраст при употреблении новых наркотиков не является столь значимой характеристикой.

Респонденты по-разному оценивают риски и опасности, связанные с употреблением наркотиков. Такая ситуация объясняется изменением их структуры: переходом от героина к амфетаминам, лекарственным препаратам и новым, аналоговым, синтетическим веществам. Новые наркотики порождают идеологию безопасного наркотизма, что, к сожалению, устраивает и личность, и общество. В настоящее время формируется такая форма риска, которую можно считать элементом современной культуры, например наркотической субкультуры: происходит формирование в массовом сознании понятия "социально приемлемого риска" по отношению к употреблению наркотиков, отразившего осознание, а затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности.

Для более глубокого анализа связи рискогенного поведения с наркопотреблением были сформированы различные группы с высокой и низкой степенью рискогенного поведения. К опытной группе отнесены респонденты, готовые пойти на риск ради получения новых ощущений и отметившие, что совершают рискованные поступки. В контрольную группу вошли респонденты, не готовые пойти на риск ради получения новых ощущений и отметившие, что сами не совершают рискованных поступков.

Сравнение групп показало, что респонденты, склонные к риску, обладают несколько более обширным опытом употребления различных психоактивных веществ (ПАВ), а также их готовность экспериментировать с ПАВ. Так, в тяжелых жизненных ситуациях склонные к риску респонденты чаще прибегают к алкоголю (64%), чем не склонные к риску (48%), и наркотикам (10 и 4% соответственно).

В опытной группе 25% принимают антидепрессанты, снотворные, успокоительные (против 14%, не склонных к риску). В то же время около трети респондентов в обеих группах отметили, что не принимают успокоительные и антидепрессанты, но нуждаются в них. В связи с наличием такой потребности их следует отнести к группе повышенного риска. Им требуется серьезная коррекция образа жизни, поведения, к ним необходимо применять различные формы социального контроля, однако не вполне понятно, кто должен это делать.

Важными характеристиками рискогенного поведения является отношение к безопасности и наличие или отсутствие потребности в острых ощущениях. Традиционно те, для кого важнее безопасность, менее склонны к риску. Однако, как показало исследование, для значительной части населения сегодня важна потребность в новых ощущениях. Данная потребность в результате удовлетворяется различными формами девиантного поведения, в частности употреблением различных ПАВ. Впервые, используя методику тестирования Цукермана, удалось сформировать группы, для которых наркотик представляет интерес не только как способ удовлетворения гедонистической потребности, но и способствует нейтрализации эмоционально-негативных состояний. Для исследовательского коллектива полученные данные являются важными в связи с тем, что второе свойство наркотиков редко принимается специалистами в расчет, однако, по нашим многолетним наблюдениям, именно оно определяет фатальность первых контактов с наркотиком. Предрасположенность к риску, определенные формы рискогенного поведения провоцируют наркотические пробы.

Опрос студентов представлял особый интерес, поскольку, по многочисленным экспертным опросам, до 40% студентов имеют опыт употребления новых наркотиков. Высокая степень склонности к рискогенному поведению связана с употреблением психоактивных веществ. Обнаружены и гендерные различия: у девушек склонность к рискогенному поведению связана не столько с конкретными практиками употребления наркотиков, сколько с готовностью экспериментировать с различными веществами. Тревожным является то, что в обеих группах неопытные готовы к употреблению наркотиков, заявляют о желании попробовать наркотические вещества. Их мотивы — для улучшения настроения, самочувствия, повышения работоспособности и расширения сознания. Респонденты по-разному оценивают риски и опасности, связанные с употреблением наркотиков. Такая ситуация объясняется изменением структуры наркотиков: переходом от героина к амфетаминам, лекарственным препаратам и новым, аналоговым, синтетическим веществам. Новые наркотики порождают идеологию безопасного наркотизма, что, к сожалению, устраивает и личность, и общество. В настоящее время формируется такая форма риска, которую можно считать элементом современной культуры, например наркотической субкультуры, т. е. формирование в массовом сознании понятия "социально приемлемого риска" по отношению к употреблению наркотиков, отразившего осознание, а затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности.

Первые пробы наркотиков

При анализе данных онлайн-опроса трудоспособного населения были выявлены возрастные различия пер-

вых проб и перехода на эпизодическое употребление традиционных и новых наркотиков.

Обнаружено, что привычное, зависимое потребление характерно только для определенных секвестированных групп населения. А паттерны эпизодического употребления практически распространены во всех группах населения.

Анализ первых проб позволил выделить и значимые поколенческие и гендерные различия. Ранние (до 16 лет) пробы характерны только для возрастных групп 30—39 и 24—29 лет. В младшей возрастной группе (18—23 года на момент опроса) и в старшей (40—55 лет) респонденты значительно реже приобретали первый наркотический опыт в таком раннем возрасте. Очень поздние первые пробы (после 30 лет) характерны только для тех, кому сейчас 50—55 лет. Совершенно неожиданной для исследователей была информация о поздних пробах в группе 18—23 лет. Одно из объяснений позднего приобщения — пропаганда безопасности новых ПАВ, а также стремление к использованию стимуляторов и "преобразователей", низкая цена и доступность. Выявлены новые источники пополнения числа наркоманов. В 1990-е годы к наркотикам приобщались как дети родителей, потерявших свой социальный статус (имевших высшее образование и не имевших работы и, соответственно, заработка), так и дети родителей, приобретших принципиально новый социальный статус (уровень образования низкий, материальная обеспеченность высокая). В то время важным фактором включения в наркопотребление являлась принадлежность к маргинальным слоям современного российского общества, но к наркотикам проявляли склонность не столько сами маргиналы, сколько их дети. Сегодня это потребители в возрасте 24—39 лет, имеющие значительный стаж наркотической карьеры.

Гендерные различия в употреблении наркотиков выражаются в резкой смене паттернов наркопотребления у женщин. В старших группах доля женщин-потребителей незначительна, и для них характерна "аптечная наркомания". В крайних младших группах значительный опыт употребления свидетельствует о сложившейся норме женского наркоповедения. Структура наркотиков у молодых мужчин и женщин практически не имеет различий. Употребление новых наркотиков характерно для тех и других. Ранние (до 16 лет) пробы характерны только для двух возрастных групп: 30—39- и 24—29-летних. В младшей возрастной группе (18—23 года на момент опроса) и в старшей (40—55 лет) респонденты значительно реже имели первый опыт употребления наркотиков в раннем возрасте. Очень поздние первые пробы (после 30 лет) характерны только для тех, кому сейчас 50—55 лет. Совершенно неожиданной для исследователей была информация о поздних пробах в группе 18—23 года, что, возможно, объясняется пропагандой безопасности новых ПАВ, стремлением к использованию стимуляторов и "преобразователей", а также низкая цена и доступность. Приобщение к наркотикам в довольно позднем возрасте, включая предпенсионный и пенсионный (для этих респондентов характерна "аптечная наркомания"), вызывает особую озабоченность, так как эти лица прошли все стадии наших государственных профилактических мероприятий и должны иметь, казалось бы, определенный механизм защиты: высокий уровень образования, наличие семьи, высокий социальный статус, знания тяжелых последствий наркотизации.

Мониторинг интернет-ресурсов показал, что в современной России практически сформирована новая модель наркопотребления, которую можно условно назвать моделью "среднего класса". В рамках этой модели наркопотребления включены люди в возрасте 30—40 лет, семейные, образованные, профессиональные, с высоким уровнем доходов, с устоявшимся кругом интересов, т. е. хорошо социально адаптированные. Для них характерно либеральное отношение к "легким" наркотикам, доступность и декриминализованность их употребления с неприемлемостью "тяжелых", внутривенных.

Эмпирический анализ наркоситуации, проведенный в рамках наркомониторинга, выявил следующие социально-экономические и социокультурные причины наркотизации населения: наличие "социальных групп повышенного риска", имеющих низкий материальный и культурный уровень, которые часто воспроизводят различные формы девиантного поведения, в первую очередь употребление различных ПАВ. В связи с этим интересна оценка населения. Основной причиной распространения наркомании более половины населения считает неудовлетворенность жизнью и социальное неблагополучие. На проблемы в сфере воспитания молодежи, резкое изменение ценностных ориентаций и норм как причину наркотизации указали 47% опрошенных в рамках мониторинга экспертов и представителей населения. Отмечены значительные масштабы семейного неблагополучия, деформация детско-родительских отношений в группах с низким и высоким социально-экономическим статусом. В группах среднего класса с высоким социально-экономическим статусом отмечено распространение культуры рекреативного употребления наркотиков (наркотики выходного дня, в том числе так называемые новые — курительные смеси и др.), распространение идеологии просвещенного гедонизма.

Произошедшие за последние несколько лет серьезные изменения в причинно-следственных связях, характерных для процесса новой волны наркотизации, поставили перед обществом ряд новых проблем.

Наркотики имеют в сегодняшнем мире пути распространения, отличные от тех, что были в прошлом. Причина этого — изменившиеся мотивы потребления и более доступные связи между странами, а также широкие возможности приготовления наркотиков из легально продаваемых лекарственных препаратов (аптечно-лекарственная наркомания).

Сегодня формируется наркотическая культура принципиально нового типа. Употребление наркотиков теряет маргинальный характер и перестает быть атрибутом определенных субкультур, оно становится социокультурной нормой, общепринятой социальной практикой. Происходит социальная легитимация наркотиков. Наркокультура стала воспроизводиться в собственных рамках.

Меняется схема реализации наркотиков: в отношении новых наркотиков главным центром сбыта и получения информации о способах их применения являются Интернет и социальные сети, т. е. продажа через онлайн-магазины курительных и ингаляционных средств, маскирующих наркотическое воздействие предлагаемых веществ. Изменились каналы получения информации о наркотиках: Интернет вышел на первое место по получению информации о наркотиках. Особенность распространения — возможность приобщения к новым наркотикам подростков и других малообеспеченных слоев.

Если всплеск наркомании в 1990-е годы шел по нарастающей и, несмотря на латентность явления, проходил практически в открытой форме, то сейчас для новой волны наркотизации характерно участие в ней потребителей наркотиков, озабоченных формированием таких механизмов саморегуляции при употреблении, которые позволяли бы оставаться не только "социально сохранным" в семье и на работе, но и быть успешным человеком. В настоящее время страна вступает в стадию массовой завуалированной (скрытой) наркотизации. Социальная опасность новой волны наркомании заключается в выходе наркотизации за пределы ранее поражаемых групп риска. Наряду с "низовым" наркопотреблением (тяжелые формы зависимости, приводящие к маргинализации, статусно-ролевым и личностным дисфункциям) все большее распространение получают такие новые формы, как статусное и рекреативное наркопотребление. В первом случае субъект потребления — это представители верхнего среднего класса, состоятельные люди, "золотая" молодежь. Основной мотив здесь — поддержка статуса, следование моде. Во втором случае происходит контролируемое рекреативное потребление (время от времени, чтобы расслабиться), субъект — молодежь, работающие профессионалы. Следует отметить, что потребление новых рекреационных наркотиков в раннем подростковом и молодом возрасте может перерасти в тяжелую зависимость, например героиновую, даже если молодые люди негативно высказываются о своих сверстниках, употребляющих "тяжелые" наркотики.

Особенности современной наркоситуации заключаются в росте так называемого серого поля потребителей наркотиков. Эта группа потребителей по понятным причинам не попадает в поле зрения ни правоохранительных органов, ни медиков и имеет иные личностные характеристики и ценностные ориентации, нежели потребители конца XX века. В настоящее время увеличивается процент скрытой наркотизации, в которую вовлечено значительное число людей с высоким уровнем образования и социальным статусом. В рамках этой модели употребления наркотиков включены люди в возрасте от 30 до 40 лет, уже семейные, образованные, профессиональные, с высоким уровнем доходов, с устоявшимся кругом интересов. Основные характеристики их наркотического поведения — либеральное отношение к "легким" наркотикам сочетается с неприемлемостью "тяжелых", внутривенных, включение в употребление происходит на фоне социального и психологического благополучия, легкодоступность наркотиков и декриминализованность их употребления. Такой способ потребления является промежуточной стадией формирования наркозависимости с отложенными сроками острого периода в определенных социальных группах населения, и его следует считать новой тенденцией наркоситуации, не имеющей аналогов изучения современного наркотизма в России.

В настоящее время общество недооценивает опасность, связанную с распространением так называемой рекреационной модели употребления. Это способствует тому, что до сих пор не разработано адекватной объяснительной модели рекреационной поликонсумации, не проводятся научные исследования этого явления. Более того, значительная часть практиков не только у нас, но и за рубежом не придает должного значения динамике и последствиям рекреационной поликонсумации психоактивных веществ. "Серое поле" наркопотре-

бителей увеличивается, и сложно предположить, как будет вести себя действующая политическая система, а также какими ресурсами обладают те или иные политические силы для борьбы с этим социальным злом.

Кардинальная проблема профилактики наркомании в России состоит в несоответствии характера форм, методов и содержания профилактической работы глубинным социально-психологическим причинам наркотизации, связанным с массовым запросом на "изменение реальности", порождающим стремление к использованию различных стимуляторов и "преобразователей" сознания.

Статья написана на материалах исследования при финансовой поддержке РГНФ 16-03-00616.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция; 2000.
2. Хагуров Т.А., Позднякова М.Е. Тенденции трансформации наркоситуации в современной России. В кн.: *Девiantное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования): Коллективная монография* / Под ред. Т.А. Хагурова, М.Е. Поздняковой. М.: Институт социологии РАН; 2014: 12—21.
3. Шурыгина И.В. Опыт употребления наркотиков в разных поколениях. В кн.: *Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (14 ноября 2013 г.)*. Краснодар: КрУ МВД России; 2013: 252—7.

4. Позднякова М.Е., Брюно В.В. К проблеме распространности рискогенного поведения и наркотиков среди населения. В кн.: *Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (14 ноября 2013 г.)*. Краснодар: КрУ МВД России; 2013: 161—6.

Поступила 02.03.2016

Принята в печать 01.04.2016

REFERENCES

1. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. (in Russian)
2. Khagurov T.A., Pozdnyakova M.E. Trends of Transformation of Drug Situation in Modern Russia. In: *Deviant Behavior in Modern Russia: Alcohol, Drugs, Youth Extremism (Conceptions and Studies): Multi-authored Monograph*. [Deviantnoe povedenie v sovremennoy Rossii: alkohol', narkotiki, molodezhnyy ekstremizm (kontseptsii i issledovaniya)] / Eds T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. Moscow: Institut sotsiologii RAN; 2014: 12—21. (in Russian)
3. Shurygina I.V. Experience of drug consumption of different generations. In: *Phenomenology and Deviant Behavior Prevention: VII Russia-wide Research and Practice Conference Proceedings (14 Nov. 2013)*. Krasnodar: KrU MVD Rossii; 2013: 252—7. (in Russian)
4. Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. Towards problem of prevalence of risk behavior and drugs across the population. In: *Phenomenology and Deviant Behavior Prevention: VII Russia-wide Research and Practice Conference Proceedings (14 Nov. 2013)*. Krasnodar: KrU MVD Rossii; 2013: 161—6. (in Russian)

© РЕЙМЕР Е.А., 2016

УДК 618.3-053.67-084-058

Реймер Е.А.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ РАННЕГО МАТЕРИНСТВА

ГБОУ ВПО "Волгоградский государственный медицинский университет", 400131, г. Волгоград, Россия

Для корреспонденции: Реймер Екатерина Александровна, аспирант кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины Волгоградского государственного медицинского университета, ekaterina.reimer@gmail.com

В статье рассмотрены два практических направления работы по проблеме раннего материнства: социальная адаптация несовершеннолетних матерей и социальная профилактика раннего материнства. Описаны локальные программы по социальной адаптации несовершеннолетних матерей и социальной профилактике раннего материнства, которые были разработаны и реализованы в 2013—2014 гг. в г. Волгограде.

Ключевые слова: раннее материнство; социальная профилактика раннего материнства; социальная адаптация несовершеннолетних матерей.

Для цитирования: Реймер Е.А. Проблемы социальной профилактики раннего материнства. *Социология медицины*. 2016; 15 (1): 30—33. DOI 10.1016/1728-2810-2016-15-1-30-33

Reimer E.A.

THE PROBLEMS OF SOCIAL PREVENTION OF EARLY MOTHERHOOD

The Volgogradskii state medical university, 400131 Volgograd, Russia

The article considers such two practical directions concerning problem of early motherhood as social adaptation of under-age mothers and social prevention of early motherhood. The local programs related to social adaptation of under-age mothers and social prevention of early motherhood developed and implemented in Volgograd in 2013-2014 are described.

Key words: early motherhood; social prevention of early motherhood; social adaptation of under-age mothers.

For citation: Reimer E.A. The problems of social prevention of early motherhood. *Sociologia meditsini*. 2016; 15 (1): 30—33 (in Russ.). DOI 10.1016/1728-2810-2016-15-1-30-33

For correspondence: Reimer E.A., post-graduate student of the chair of philosophy, bioethics and law with course of sociology of medicine. e-mail: ekaterina.reimer@gmail.com

Received 17.02.16

Accepted 01.04.16